

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В СВЕТЕ
МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА)**

Интертекстуальность как явление комплексное предполагает множественность интерпретаций и методологических позиций ее изучения. Среди многообразия существующих концепций представляется возможным выделить две базовых подхода: широкий и узкий. К широкому подходу принято относить концепцию глобального интертекста Ю. Кристевой. По сути, данная теория обращена не столько к интертексту, сколько к «генеративному процессу», приводящему к созданию интертекста, то есть самой интертекстуальности. Феномен интертекстуальности понимается Ю. Кристевой как процесс «чтения-письма», когда «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [Kristeva 1969: 145]. Отметим, что многие ученые подвергают критике рассматриваемую концепцию за безгранично широкое понимание текста, а, следовательно, и интертекста [Чернявская 2006: 73; Holthuis 1993: 15]. Применение данного подхода в границах эмпирических исследований не представляется возможным.

В соответствии с узким подходом интертекстуальность понимается как диалогические отношения, при которых один текст содержит явные отсылки к предшествующим текстам. «Узкому» пониманию интертекстуальности соответствует рецептивная концепция, разрабатываемая такими учеными, как М. Риффатер и С. Хольтуис. Рассматриваемая теория имеет своей главной установкой ориентацию на читателя (или рецептора). Процесс прочтения понимается в таком случае как интерпретация текста через расшифровку «скрытых слов», ведущих к «смыслу» [Денисова 2003: 45]. В рамках данного подхода интертекстуальность обнаруживает интенциональную природу, так как, используя различные интертекстуальные включения, автор ждет от рецептора не только распознавания, но и понимания их прагматической заданности. Таким образом, актуализация межтекстовых отношений возможна лишь в континууме восприятия [Holthuis 1993: 32].

Методологический потенциал проблемы интертекстуальности позволяет рассматривать данное явление не только на базе художественного и поэтического творчества. Учитывая значительные возможности дискурса СМИ в области «фильтрации» информации, в частности воспроизведения материала и создания определенного образа, можно отметить как отличительную особенность его способность формировать условный круг социально и культурно значимых прецедентных феноменов, маркирующих определенную культуру и участвующих в культурном диалоге. Это, в свою очередь, обеспечивает достижение ключевых целей политического дискурса и дискурса СМИ: убеждения и мобилизации. Попытки осмысления условий и специфики возникновения энергетического резонанса между автором, использующим то или иное интертекстуальное включение, и рецептором в определенной культурной среде представляет особый интерес.

В свете явления культурного диалога, одним из ключевых аспектов обозначенных выше типов дискурса является исследование коммуникативно-прагматического функционирования политического нарратива и его базовых характеристик. Е.И. Шейгал определяет политический нарратив как «совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Шейгал 2000: 297]. Ранее для обозначения этого феномена предлагался термин «сверхтекст» и описательное выражение «комплекс текстов, связанных с определенной политической ситуацией».

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации, которая, на наш взгляд, сложно отделима от экономической. Как отмечает А.П. Чудинов, для данного дискурсного образования характерны тематическое единство, общность основных «героев», общая событийная канва, обособленность во времени и пространстве [Чудинов 2006: 78]. Очевидно, что пространственная (в том числе культурная) и темпоральная локализованность нарратива не абсолютна. Важнейшее свойство подобного дискурсного образования – многоголосие участников политической борьбы и повествователей и, соответственно, множественность рациональных и эмоциональных оценок.

Отметим, что при рассмотрении нарратива с литературоведческих позиций, то есть как некоего свойства, характеризующего определенный вид дискурса [Махлина 2009: 385], анализу подвергаются абстрактные и глубинные системы, имеющие определенное имплицитное значение, управляющие производством и пониманием этого рода дискурса.

Рассмотрение нарратива с позиций политической лингвистики также предполагает изучение реализации определенных языковых явлений с учетом формирующегося контекста и дискурсивных структур в аспекте их формального построения.

С позиций политического нарратива объектом исследования отечественных лингвистов, как правило, становились предвыборные кампании различного уровня и громкие политические скандалы. Нарратив последнего формируется из самого факта скандала, то есть ситуации, которая не всегда ожидаема. Следовательно, политический скандал представляет собой происхождение ситуации и последующие ответные реакции или действия на нее. Очевидно, что не менее плодотворным может оказаться исследование нарратива на материале заседаний ассамблеи ООН и Европарламента, саммита G8. Представляется, что нарратив ожидаемого политического события скорее будет формироваться из неких предварительных оценок, самого события и дальнейших реакций, откликов, анализа. В структурном отношении каждый из приведенных видов нарратива характеризует наличие некоего кульминационного момента: ситуация скандала, день выборов, заседание и др. Нарратив экономического кризиса, наблюдающегося во всех странах мира и поразившего все общественные институты, в том числе политические, представляет собой менее четко структурированное образование, состоящее из совокупности дискурсивных компонентов.

Принципиальное значение имеет то, что совокупный массив текстов, относящихся к нарративу, отличается общим тематическим содержанием. Однако языковые средства выражения варьируются в зависимости от жанра, вектора политической направленности источника информации и стадии развития события.

Интертекстуальность, являясь ключевой характеристикой политического нарратива, на первых этапах развития ситуации реализует информирующую функцию. Специфика интертекстуальных включений характеризуется цитатной уплотненностью. Например, в материалах масс-медиа, вне зависимости от жанра, нашли отражение цитаты с некоторыми комментариями относительно состояния рынка ипотечных кредитов в США, проблемной ситуации с крупнейшими финансовыми компаниями и банковской системой в целом.

Усугубление кризиса отражается в нарративе посредством обращения к многочисленным аллюзиям на проблемные ситуации прошлых лет, а также

действия в аналогичных ситуациях. С интенциональной точки зрения это, очевидно, вызвано попытками не только определить положение дел и найти точку отсчета для интерпретации событий, но и желанием несколько уравновесить, гармонизировать обстановку.

Помимо типичных коммуникативных тактик, реализуемых аллюзиями и цитатами в рамках политического нарратива (анализ – «минус», анализ-«плюс», обличение, провокация, персуазивное информирование, анализ-«минус», иллюстрация, авторизации), необходимо отметить ряд тактик, характерных для англоязычного нарратива экономического кризиса:

1. *Проведение аналогии* (полифункциональная тактика, играющая как на повышение, так и на понижение). Примечательно широкое обращение к хрононимичным аллюзиям: *“What would one expect in miserable times such as the second world war, or the 1970s recession...”* (The Economist, 2009), *“but he did compare the crisis to the bleakest winter of the Republic’s history, when George Washington’s battered army lay at bay...and he announced an end to “putting off unpleasant decisions”* (The Economist, 2009). Как правило, аналогии носят эксплицитный характер и сопровождаются вводными конструкциями типа: *like something, such as, one can compare, characteristic of* и т.д.

2. *Тактика предупреждения*. Данная тактика актуализируется посредством аллюзий на ситуации, известные своим неудачным исходом. Например, в статье *“Beware of Greeks bearing gilts”* (The Economist, 2009) при рассмотрении возможных вариантов решения проблем с банковскими активами, автор обращается к многочисленным аллюзиям на английских монархов, флорентийских купцов, а также опыт России и Америки по отказу от уплаты долгов. Само название статьи, представляющее собой обыгранную аллюзию, носит как эксплицитное, так и имплицитное предупреждение.

3. *Тактика избирательного якорения*. По А.А. Мурашову избирательное якорение отвлекает внимание от более важного для личности или сути дела [Мурашов 2005: 195]. В рамках рассматриваемого нарратива эту тактику реализуют интертекстуальные включения, сопровождающие комментарии относительно политических перестановок и назначений, которые потенциально могут повлиять на ситуацию. Например, в статье *“And now to work”* (The Economist, 2009), посвященной новому президенту США, как и во многих других, актуализируются многочисленные цитаты общего характера, не предлагающие задуматься над конкретными решениями:

“Quoting St Paul, he declared that: “The time has come to set aside childish things.”

4. Тактика анализ-«плюс». В рамках данной тактики актуализируются аллюзии, которые служат своего рода подтверждением позитивной оценки, интерпретации. Например:

Global financial crisis is like Fall of Berlin Wall (The Economist, 2009).

Референция на историческое событие, последствия которого в дальнейшем доказали его ключевое воздействие на развитие одной, хотя и разделенной страны, характеризуют происходящие процессы с положительной стороны.

5. Тактика иронизирования достаточно широко представлена, в частности на последних этапах нарратива. Очевидно, это обусловлено тем, что полемичность и проблемность, реализуемые обозначенными выше тактиками, являются неполными в отсутствии стратегии театральности. На наш взгляд, данная тактика в наибольшей мере манифестирует субъективные аспекты восприятия рассматриваемой проблемы, выявляет персонификацию и концептуальность персональной позиции. Обратимся к примеру.

2009 is quickly shaping up as the year most people wish was already over (or perhaps one that we could live backwards like Benjamin Button) (The Economist, 2009).

Иронизирование, к которому прибегает автор, позволяет облегчить интерпретацию происходящих событий для более широкого круга рецепторов. Перевод вопроса из сферы экономики и политики в плоскость массового искусства (кинематографии), близкого гораздо более широкой аудитории, дает возможность найти понимание не только у элитарного, но и у усредненного рецептора.

В любом случае от Рецептора требуется включенность в контекст политической и экономической ситуаций, так как большинство интертекстуальных включений носят системный, детальный характер. Соотношение прямого цитирования и языковой игры с цитатой и аллюзией имеет практически равные пропорции на этапе активного развития нарратива. Номенклатура рассмотренных тактик интенционального обращения к аллюзиям не носят исчерпывающий характер, но намечает некоторые общие векторы использования интертекстуальных включений в политико-экономическом нарративе. Анализ специфики функционирования интертекстуальных включений в рамках политического нарратива может способствовать выявлению особенностей актуализации коммуникативно

значимых (в данном случае для международной коммуникации) включений, обладающих особым прагматическим потенциалом.

Библиографический список

1. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод [Текст] / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.
2. Махлина, С. Т. Словарь по семиотике культуры [Текст] / С. Т. Махлина. – СПб. : Искусство-СПБ, 2009. – 752 с.
3. Мурашов, А. А. Личность и речь: эпоха кризисов [Текст] / А. А. Мурашов. – М. : МОДЭК, 2005. – 504 с.
4. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
5. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – Москва-Волгоград : Из-во ВГПУ, 2000. – 368 с.
7. Holthuis, S. Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption [Текст] / S. Holthuis. – Tübingen : Stauffenburg-Verl., 1993. – 268 S.
8. Kristeva, J. Semiotike. Recherches pour une semanalyse [Текст] / J. Kristeva. – P. : Seuil, 1969. – 215 p.

М.Р. Напцок
Майкоп, Россия

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (на материале прозы В. Набокова)

Исследование художественного дискурса относится к актуальным направлениям современной филологии. Интенсивно развиваются лингвистические аспекты анализа дискурса, рассматриваются различные параметры и специфические особенности этой языковой категории, в том числе лексико-словообразовательный и стилистический уровни текста.

Словообразовательный потенциал языка позволяет расширить творческие возможности художественного дискурса. Одной из важнейших составляющих, формирующих уникальный дискурс писателя, часто